

Попов С. Л.

Южнокитайский университет имени Сунь Ятсена

ПОНИМАНИЕ МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА В ЭВОЛЮЦИОННО-СИНТЕТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТЕОРИИ А. Д. КОШЕЛЕВА: КОГНИТИВНО-ЭВОЛЮЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

У статті із застосуванням поняттєвого апарату когнітивно-еволюційної концепції, яка передбачає підвищену увагу до сприйняття і логіки, аналізується коректність подання моделі людини в еволюційно-синтетичній мовній теорії О. Д. Кошелева. Згідно з когнітивно-еволюційною концепцією мислення – це когнітивна структура, основою якої є логіка, якість якої забезпечується якістю сприйняття. Оскільки мислення є тісно пов'язаним з мовою, то така якість логіки, що забезпечується якістю сприйняття, впливає на логічність мовних структур. Сприйняття має три таких ступені: синкретизм, поверховість і альтернативність. Доводиться, що у розробленій О. Д. Кошелевим еволюційно-синтетичній мовній теорії запропонована автором модель людини, в якій мислення і мова підпорядковуються діяльності, містить такі, що залежать особисто від автора, суб'єктивні та зумовлені логікою самої авторської концепції об'єктивні протиріччя. Суб'єктивні протиріччя цієї моделі полягають у тому, що під час її пояснення автор періодично, очевидно, випадково і неусвідомлено, але, безумовно, логічно визнає, що під час відбитих у мові переходів до нових видів людської діяльності вирішальну роль відіграє інтелектуальний розвиток, який з когнітивно-еволюційного погляду зумовлюється перцептивно-логічною еволюцією. Об'єктивне протиріччя аналізованої моделі полягає в тому, що її автор не усвідомлює емпірично очевидний факт, що діяльність не може бути визнана більш важливою, ніж безпосередньо пов'язане з мовою мислення, оскільки сприйняття, що зумовлює якість мислення, еволюціонує до нормативного ступеня альтернативності, забезпечує якісні логічні висновки про необхідність переходів до нових видів діяльності як до прогресивних альтернатив.

Ключові слова: мова, мислення, діяльність, сприйняття, логіка, еволюція.

Постановка проблеми. В разработанной А. Д. Кошелевым и представленной в монографии 2017 года эволюционно-синтетической языковой теории [2] модель человека представлена как сумма мышления, которое он вначале понимает как представление мира, деятельности и языка, причем деятельность автор считает главной составляющей модели человека, а мышление, которое уже в следующем предложении автор по непонятной причине толкует не как представление мира, а как представление знаний (возможно, мир и знания для автора – абсолютные синонимы), и язык он называет дополнительными компонентами, способствующими (каждый по-своему) осуществлению деятельности [2, с. 16]. Такое необычное теоретическое положение требует надежной аргументации, верификация качества которой не может быть признана необязательной научной процедурой.

Анализ последних исследований и публикаций. Хорошо известно, что в предыдущие десятилетия понятие деятельности в лингвистических

исследованиях когниции основным не считалось, поскольку рассматривалась лишь проблема соотношения языка и мышления. Большинство лингвистов полагает, что в этом тандеме мышление определяет язык. Сравнительно немногочисленные сторонники гипотезы лингвистической относительности отстаивают идею о мотивированности мышления языком, поэтому предложенное А. Д. Кошелевым решение о признании языка и мышления по отношению к деятельности структурами второстепенными выглядит в целом (если отвлечься от знаменитого марксистского положения, что труд создал человека) новаторским.

Постановка задания. Цель статьи – изучить корректность представления модели человека в эволюционно-синтетической языковой теории А. Д. Кошелева с применением понятийного аппарата когнитивно-эволюционной концепции, предполагающей повышенное внимание к восприятию и логике.

Изложение основного материала. Необходимо отметить, что акцент на деятельности как

на главном компоненте человеческой модели, значение которого гораздо важнее мышления и языка, есть, на наш взгляд, результатом концентрации автора только на человеке и, как следствие, невнимания к представителям животного и растительного мира. В результате двухмиллионной эволюции стихийно основанная на четырех законах логика как строй человеческого мышления позволяет понять, что деятельность присуща всем живым существам, в том числе растениям, у которых она, условно говоря, осознается в сравнении с животными на нулевом уровне. Если сравнить деятельность человека с деятельностью животных, то станет очевидным, что человеческая деятельность оказывается гораздо продуктивнее, разнообразнее и осмысленнее деятельности животной, и здесь остается лишь задать вопрос, почему это так. Ответ очевиден. Человеческая деятельность по всем показателям эффективнее деятельности животной потому, что у человека гораздо больше, чем у животных, развито мышление, а нужные для успешного осуществления деятельности знания человек хранит и передает при помощи языка, который у животных отсутствует. Как хорошо известно, времена констатации у животных языка ушли в прошлое, уступив это место корректной номинации «коммуникативная система», от которой язык выгодно отличается неврожденностью (дети-маугли после критичного для усвоения языка шестилетнего возраста язык усвоить уже не могут [4, с. 281]) и достраиваемостью [2, с. 373]. Если признать присущую и людям, и животным деятельность движущей силой когнитивной эволюции, то невозможно без дополнительных аргументов объяснить, почему она оказалась такой успешной именно у человека, а не у животных. Если бы у А. Д. Кошелева спросили, почему деятельность человека успешнее деятельности животных (и тем более растений), то, будучи верным своей концепции, он сказал бы, что успешность человеческой деятельности объясняется ее разнообразием (подтверждение этому см. ниже), но трудно не заметить, что у разнообразия должна быть своя причина, и она когнитивно-эволюционная.

Суть когнитивно-эволюционной концепции заключается в следующем. Мышление представляет собой не столько представление мира и представление знаний (по А. Д. Кошелеву), сколько когнитивную структуру, строем которой является оперирующая законами и силлогизмами логика, качество которой обеспечивается качеством восприятия. Поскольку мышление тесно

связано с языком, то обеспечиваемое качеством восприятия качество логики влияет на логичность языковых структур. Восприятие имеет три степени, которые представляют собой степени его эволюции в онто- и филогенезе: 1) синкретичное восприятие, при котором познаваемые сущности выглядят цельными, из частей не состоящими и признаков не имеющими; 2) поверхностное восприятие, при котором в познаваемой сущности выделяются только самые заметные части, а из ее признаков выделяются лишь наиболее заметные, категоризация по которым чаще всего бывает неверной; 3) альтернативное (нормативное) восприятие, при котором в познаваемой сущности выделяются все необходимые части и признаки, которые обеспечивают корректность ее категоризации (подробнее о степенях восприятия в онто- и филогенезе см. в источнике [5, с. 5–105]). Именно понятие альтернативного восприятия позволяет осознать, что, прежде чем осваивать новый вид деятельности, нужно воспринять возможность такого освоения как альтернативу. Следовательно, деятельность человека разнообразнее деятельности животных потому, что человеческое, в особенности цивилизованное, восприятие, в отличие от животного, достигает перцептивной нормы – альтернативности, на важность которой невольно обращает внимание и сам А. Д. Кошелев. Например, комментируя полученные антропологами знания об олдувайской культуре хабилисов, наугад изготовлявших грубо обтесанные чопперы, и ашельской культуре эргастеров, продуманно изготовлявших всесторонне обтесанные ручные рубила, автор различает их действия как пространственные и предметные, уточняя, что предметные действия коррелируют с партитивными концептами (а не с синкретами, как при пространственных действиях), то есть с когнитивно дифференцированными концептами, и что именно предметные действия отличают человека, а именно эргастера, от прачеловека, то есть от хабилиса и его предшественников [2, с. 37–52]. Будучи верным своему видению модели человека, А. Д. Кошелев продолжает считать, что главным компонентом этой модели является деятельность, которой подчиняются мышление и язык. Но в заключение автор пишет: «Итак, эволюция гоминидов сводится к последовательному качественному расширению круга действий вида-потомка по сравнению с видом-предком. Чем шире обновленный круг действий, тем более успешным становится возникший вид-потомок в конкурентной борьбе за выживание» [2, с. 52]. Как можно

видеть, здесь автор описывает не что иное, как результаты альтернативного восприятия, которое и обеспечивает описываемое им расширение круга действий. Каждое новое действие – это альтернатива уже имеющимся, и, прежде чем к этой альтернативе перейти, ее нужно воспринять.

По нашему убеждению, понимание когнитивно-эволюционной концепции не требует значительных интеллектуальных усилий. В силу ее содержательной гармоничности ее положения стихийно проявляются в тех или иных силлогистических построениях представителей разных наук. А. Д. Кошелев, отстаивающий иную концепцию, в этом смысле исключением не является, поскольку иногда допускает в своей теории противоречия, которые как зависящие от него лично можно назвать субъективными. Так, А. Д. Кошелев допускает существенное для отстаиваемой им доктрины упущение: «Подчеркнем: предметные действия являются качественно новым видом действий, который обусловлен интеллектуальным прогрессом эргастера» [2, с. 50]. Можно понять, что если действия обусловлены эволюцией интеллекта, то есть мышления (прогресс которого автор к тому же логически выделил разреженным шрифтом), качество логического строя которого обеспечивается эволюцией восприятия от синкретизма через поверхностность к альтернативности, то интеллект-мышление важнее этих действий. То есть в такой авторской трактовке модели человека мышление уже не играет второстепенную роль по отношению к деятельности. Очевидно, что в этой модели оно претендует на главную роль.

В следующих предложениях абзаца А. Д. Кошелев продолжает свою подрывающую его концепцию мысль, распространяя ее на других homo: «Аналогичными рассуждениями можно показать, что переход от эректуса (*H. erectus*) к гейдельбергскому человеку (*H. heidelbergensis*) также был скачкообразным и качественно расширил круг его действий по сравнению с эректусом. Причем этот вид действий и здесь обусловлен интеллектуальным прогрессом человека гейдельбергского» [2, с. 50]. Как можно видеть, автор и здесь говорит именно об обусловленности действий интеллектуальным прогрессом, то есть когнитивной эволюцией, в которой на самом деле задействовано не только мышление, но и восприятие. И лишь в завершающем предложении этого абзаца автор, словно вспомнив о главном компоненте отстаиваемой им модели человека, пишет: «Появление у вида-потомка качественно нового вида действий, поддержанного его

интеллектуальным развитием, мы будем считать главным критерием эволюции вида» [2, с. 50]. То есть здесь А. Д. Кошелев говорит уже не об обусловленности деятельности интеллектуальным развитием, как делал в предыдущих предложениях, а о ее поддержке таким развитием, что, как понимает любой профессиональный лингвист, не является одним и тем же, поскольку *поддерживать* – не обязательно *обуславливать*, потому что *обуславливать* означает «быть причиной», и этого значения у *поддерживать* нет, потому что то, что обуславливает, может поддерживать, но то, что поддерживает, изначально может не быть причиной того, что оно поддерживает, то есть может его не обуславливать. Совершенно очевидно, что из-за семантического различия между этими словами между заключительной фразой абзаца и ей предшествующими наблюдается субъективное противоречие.

Настаивая на подчинении мышления (часто представлению мира и иногда представлению знаний) и языка деятельности, А. Д. Кошелев вынужден делать напоминания об этом. Но в ходе содержащихся в этих напоминаниях обоснований автор опять допускает логичные суждения, в которых утверждается когнитивное главенство связанного с языком мышления над деятельностью. «Однако не следует забывать, – замечает автор, – что в тернарной модели человека <...> и представление мира, и язык суть дополнительные компоненты для главного компонента – деятельности (действий) человека. В рамках этой модели, – продолжает автор, – язык имеет подчиненный статус. Поэтому его главная функция – помогать реализации общей цели модели, а именно: а) участвовать в осмыслении и планировании различных видов деятельности, т. е. способствовать человеческому мышлению; б) обеспечивать описание этой деятельности другим ее участникам, т. е. служить средством коммуникации» [2, с. 108]. Как можно убедиться, в первом пункте (а) А. Д. Кошелев пишет о хорошо известной и в основном (за исключением обратной убежденности радикальных сторонников гипотезы лингвистической относительности) бесспорной подчиненности языка мышлению, но словосочетание «осмысление и планирование различных видов деятельности», особенно слово «планирование», вместе свидетельствуют о том, от чего автор постоянно, но не всегда успешно стремится отказаться, то есть о том, что именно ментальные по операции осмысления и, конечно, планирования предшествуют различным видам

деятельности, обуславливают их, то есть являются по отношению к ним первостепенными.

Однако главным и объективным, то есть обусловленным логикой самой концепции, противоречием в теории А. Д. Кошелева является непонимание автором того, что, поскольку каждому переходу к новому виду деятельности предшествует восприятие возможности такого перехода как альтернативы, в модели человека деятельность главной быть не может. Так, на примере языка амазонских индейцев пирахан А. Д. Кошелев пытается доказать, что отсутствие в их языке определенных структур (множественного числа, лексических показателей времени, числительных и счетных слов, страдательного залога) обусловлено отсутствием в жизни пирахан разнообразия видов деятельности. Опираясь на хорошо сегодня известное и исходящее от Г. Спенсера и И. М. Сеченова положение о двух факторах развития – внутреннем (генетическом) и внешнем (средовом), А. Д. Кошелев предлагает считать, что внешний (средовый) фактор когнитивного развития и есть краеугольным камнем его доктрины – деятельностью [2, с. 440–455].

В частности, автор полагает, что у пирахан нет лексических показателей времени типа *вчера, сегодня, завтра*, потому что они, по наблюдениям тщательно их изучившего Д. Л. Эверетта, спят от 15 минут до двух часов в любое время суток до момента, пока рыболовы, которые разную рыбу вынуждены ловить в разное время суток, не принесут рыбу, которую нужно сразу готовить и есть [6, с. 286; 2, с. 447]. То есть автор предлагает считать, что причиной отсутствия у пирахан лексических показателей времени является их именно такая – в разное время суток – рыболовная деятельность, при которой, по мнению пирахан, нет смысла дифференцировать день и ночь и, как следствие, их номинировать. Мы же предлагаем более глубокое видение причины этого явления. Предлагаем считать, что причиной отсутствия у пирахан лексических показателей времени является поверхностное по своей сути упущение возможности при круглосуточной ловле рыбы обратить внимание на смену светлого и темного времени суток и дать им соответствующие номинации. У цивилизованных этносов тоже имеются, разумеется не массово, ночные виды деятельности, при выполнении которых приходится спать время от времени (например, у военных в караульной службе) и отсыпаться в светлое время суток (например, после ночной смены у рабочих, охранников, дежурных врачей), но эти этносы воспри-

нимают и возможность (и/или необходимость) работать ночью, и постоянство смены дня и ночи, то есть проявляют альтернативное восприятие, в силу чего в их языках отсутствующие у пирахан лексические показатели времени имеются.

Ссылаясь на теорию этнического прогресса Л. Г. Моргана [3], А. Д. Кошелев обращает внимание на то, что появление у этноса такого вида деятельности, как гончарное производство, позволяет разнообразить виды его деятельности, что приводит к появлению новой лексики и грамматики [2, с. 450–452]. Однако некорректно упускать из виду, что, прежде чем освоить гончарное производство как деятельность, нужно воспринять соответствующую возможность, что не у всех людей в частности и этносов в целом происходит одинаково успешно. Например, один первобытный человек или целый этнос переймет это умение у имеющего его более развитого человека или этноса, а другой (перцептивно менее эволюционировавший) человек или этнос не альтернативно воспримет эту когнитивную перспективную возможность иметь что-то не менее полезное, чем охота, рыбная ловля и собирательство, а поверхностно воспримет когнитивную неперспективную возможность обменивать достаточно большое количество мяса, шкур, рыбы, плодов и трав на сравнительно небольшое количество изготавливаемых другими людьми или этносами гончарных изделий. Следовательно, и здесь причина языкового развития или неразвития заключается не в деятельности, а в обуславливающем качестве силлогизма качестве восприятия ее возможности.

Выводы и предложения. Итак, в статье доказано, что в разработанной А. Д. Кошелевым эволюционно-синтетической языковой теории предложенная автором модель человека, в которой мышление и язык подчиняются деятельности, содержит субъективные и объективные противоречия. Субъективные противоречия этой модели заключаются в том, что при ее объяснении автор периодически, очевидно, случайно и неосознанно, но, безусловно, логично признаёт, что при отражающихся в языке переходах к новым видам человеческой деятельности решающую роль играет интеллектуальное развитие, которое с когнитивно-эволюционной точки зрения не может не обуславливаться перцептивно-логической эволюцией. Объективное противоречие анализируемой модели состоит в том, что ее автор не осознает эмпирически очевидный факт, что деятельность не может быть признана более важной, чем непосредственно связанное с языком

мышление, поскольку обуславливающее качество мышления восприятие, эволюционируя до нормативной степени альтернативности, обеспечивает качественные логические выводы о необходимости переходов к новым видам деятельности как к прогрессивным альтернативам.

Список литературы:

1. Бурлак С. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. Москва : Астрель CORPUS, 2011. 464 с.
2. Кошелев А. Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка / сост. А. Д. Кошелев. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2017. 528 с.
3. Морган Л. Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Ленинград : Издательство института народов севера ЦИК СССР, 1935. 368 с.
4. Пинкер С. Язык как инстинкт / пер. с англ.; общ. ред. В. Д. Мазо. Москва : Едиториал УРСС, 2004. 456 с.
5. Попов С. Л. Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования : монография. Харьков : НТМТ, 2013. 150 с.
6. Эверетт Д. Л. Не спи – кругом змеи. Быт и язык индейцев амазонских джунглей. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2016. 384 с.

Popov S. L. UNDERSTANDING THE MODEL OF A HUMAN IN EVOLUTIONARY-SYNTHETIC LINGUISTIC THEORY BY A. D. KOSHELEV: COGNITIVE AND EVOLUTIONARY ANALYSIS

The paper analyzes correctness of the representation of the model of a human in the evolutionary-cognitive linguistic theory by A. D. Koshelev; the analysis involves conceptual framework of a cognitive and evolutionary concept, which means greater attention to the perception and logics. According to the cognitive-evolutionary concept, thinking is the cognitive structure having logics as its frame; quality of that logics is determined by the quality of perception. Since thinking is closely connected with the language, quality of logics, provided by the quality of perception, effects the logics of certain linguistic structures. Perception has three levels: syncretism, superficialism, and alternativeness. It has been proved that in terms of the linguistic-evolutionary theory developed by A. D. Koshelev, model of a human proposed by the author, where thinking and language follow the activity, contains subjective (depending upon the author's opinion) and objective (stipulated by the logics of the author's concept) contradictions. Subjective contradictions of that model are in the fact that during the model interpretation, the author admits periodically (accidentally and unconsciously but logically anyway) that, in terms of the transitions to new types of human activities being reflected in the language, intellectual development plays a major role which cannot be limited by the perceptive-logical evolution from the cognitive-evolutionary viewpoint. Objective contradiction of the model under analysis is in the idea that its author does not recognize the empirically obvious fact: an activity cannot be admitted as more important than the thinking, being immediately connected with the language, since the perception stipulating the thinking quality evolutionizes up to the normative degree of alternativeness and provides qualitative logical conclusions on the necessary transitions to the new activity types as the progressive alternatives.

Key words: language, thinking, activity, perception, logics, evolution.